

4. Полное собрание законов Российской империи. – Собрание I: С 1649 по 12 декабря 1825 г.: в 45 т. – СПб.: Тип. II отделения Собств. е. и. в. канцелярии, 1830–1851.
5. Столетие Военного министерства. 1802–1902: в 13 т. / гл. ред. Д. А. Скалон. – СПб., 1902–1914. – Т. 4: Главный штаб: Ист. очерк. Ч. 1. Кн. 1, отд. 2. Комплектование войск в царствование императора Александра I / сост. шт.-кап. В. В. Щепетильников. – СПб.: Тип. поставщиков двора е. и. в. т-ва М. О. Вольф, 1902. – [6], 214, 92, II с., 5 л. карт.
6. Столетие Военного министерства. 1802–1902: в 13 т. / гл. ред. Д. А. Скалон. – СПб., 1902–1914. – Т. 4: Главный штаб: Ист. очерк: Введение. Ч. 1. Кн. 1, отд. 1. Комплектование вооруженных сил в России до 1802 г. / сост. кап. А. К. Ильенко; Ред. Ист. очерка Гл. штаба ген.-м. Н. П. Михневич. – СПб.: Тип. «Бережливость», 1902. – 489 с. разд. паг.
7. Фонды Российского государственного военно-исторического архива. Краткий справочник. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. – 640 с.

Филатова Е.Н.

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДОВ КОНЦА XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Интерес к мемуарам, дневникам, письмам, проектам видных деятелей, представителей известнейших шляхетских/дворянских родов, участников политических и военных событий, которые жили в Беларуси и Литве в конце XVIII – первой половине XIX в. возник во второй половине этого ж века. Интерес общества к ним пережил несколько этапов: начало XX века, 20–30-е годы и затем уже 70–90-е годы. Эти источники написаны не только представителями дворянства, но и духовенства, военных, чиновников, писателей и поэтов – наиболее активной и образованной части общества этого региона. Авторы, в ряде случаев, писали воспоминания будучи уже в пожилом возрасте, либо по памяти, либо базируясь на своей переписке, дневниках, которые было модно вести образованной части населения на протяжении своей жизни, не глядя даже на различные, не всегда благоприятные, обстоятельства. В XIX – начале XX вв. среди тех, кто искал и готовил к изданию рукописи, были М. Федоровский, Г. Мостицкий, А. Чертковский, М. Годлевский и другие. Издавались они в разное время, в основном, в типографиях Петербурга, Вильно, Львова, Варшавы, Кракова и др. Их продолжают издавать и до настоящего времени на русском, белорусском, польском, английском, французском и немецком языках.

Эти опубликованные источники можно условно разделить на группы – мужские и женские. Мужчины больше обращали внимания на политические, военные и хозяйственные аспекты, а женщины – на личную и светскую жизнь и др. Хотя и не всегда. Так, например, воспоминания С. Моравского о молодых годах, проведенных в Вильно, как бы переплетаются с воспоминаниями Г. Пузыны по обилию информации о личных отношениях представителей светского общества этого города. При этом и те, и другие являются ценным источником не только для описания повседневной жизни дворянства города, но и для такой специальной исторической дисциплины как генеалогия. Модным явлением было в то время и написание проектов по различным аспектам жизни территории. Среди них проекты посвященные войне 1812 г., ликвидации униатской церкви, отмене крепостного права и другие, в которых затрагивалась государственность региона, отношение населения к Российской империи, образование, конфессиональная жизнь и т.д.

В комплексе этих опубликованных источников, которые рассматривают различные аспекты жизни городов и местечек белорусско-литовских губерний, можно выделить основные направления их тематики. Среди них поездки, например из Царства Польского в Петербург и обратно, или просто по территории, останавливаясь в городах или местечках, наблюдая со стороны за их состоянием, населением, вспоминая их историю. Авторы рассматривали, как ряд городов и местечек, так и отдельные, заинтересовавшие их, населенные пункты. Больше всего воспоминаний и других источников приходится на столицу региона – Вильно. Ряд воспоминаний касались политических и военных событий: участию в тайных обществах, войне 1812 г., восстании 1830–1831 гг. и др. Конфессиональная жизнь прослеживается в воспоминаниях, дневниках, переписке высшего духовенства. Среди них дневник и переписка католического митрополита С. Богуша-Сестренцевича, воспоминания Литовского православного митрополита И. Семашко, Полоцкого православного архиепископа В. Лузинского, дневник Минского православного архиепископа М. Голубовича, письма Полоцкого православного епископа Смарагда и др.

В конце XVIII в. о городах восточной Беларуси писали ряд известных людей. Так, в 1780 г. российская императрица Екатерина II решила совершить путешествие по землям, полученным в результате первого раздела Речи Посполитой, которые входили в состав Белорусского генерал-губернаторства во главе с З. Чернышевым. Она хотела ознакомиться с новыми территория-

ми и собиралась встретиться в Могилеве с австрийским императором Иосифом II (который приехал под именем графа Фалькенштейна). Императрица выехала из Петербурга и через Нарву – Псков – Остров – Опочку прибыла в Полоцк, затем поехала в Могилев. После торжественной встречи в Могилеве, через Шклов – Оршу – Дубровну – Ляды – на Смоленск. Со Смоленска через Великие Луки – Духовщину – Порхов – Старую Руссу, Новгород – на Петербург. Во время этого путешествия велись дневниковые записи, а также она писала письма о своих впечатлениях сыну великому князю Павлу и его супруге Марии Федоровне [2, с. 384 – 420]. Видимо у нее сложилось противоречивое представление о городах. Екатерина II заметила могилевскому губернатору, что «если бы я сама не видела такого устройства в Белоруссии, то никому бы не поверила, а дороги ваши как сады». Но переехав из Белоруссии в Смоленск, она написала сыну, что «здесь другое дело, а не то, что дрянные городишки Белоруссии; окрестности здесь красивы, город живописен, собор великолепен...» [9, с. 58; 13, с. 19].

Автор воспоминаний генерал-майор Л. Энгельгард писал о подготовке этой встречи в Могилеве, что еще «за месяц до прибытия государыни съехались иностранные министры, часть двора, множество иностранцев, а особливо знатных и богатых польских вельможных панов; тогда Могилев уподоблялся более многолюдному столичному, нежели губернскому городу. Беспредельные были праздники, балы и карточная игра, каковой, конечно, прежде в России не бывало, да и сомнительно, было ли после; граф Сапега проиграл все свое знатное имение» [13, с. 16].

Л. Энгельгард в своих воспоминаниях писал и о Шклове, что его недобрая слава была связана с распространением фальшивых ассигнаций. Братья-сербы графы М. и Г. Зеновичи (или Зановичи) обещали ликвидировать долги С. Зорича и по подложной подорожной провезли, через Толочинскую таможню, около 90 тыс. фальшивых ассигнаций. Одну из них показал Г. Потемкину, который проезжал через Шклов, поверенный Д. Мовшович. 27 апреля 1783 г. Г. Потемкин задержал «бродяг промышленников» и заключил под домашний арест С. Зорича, а в доказательство послал 100 рублевую купюру в Петербург, после чего началось следствие. Могилевское губернское правление собрало, от 26 человек, еще 50 купюр на сумму 5 тыс. руб. А у младшего брата Зеновича, при обыске в Москве, нашли 700 тыс. сторублевых фальшивых ассигнаций [13, с. 34 – 35]. 25 октября 1783 г. Екатерина II приказала заключить братьев Зеновичей в Нейшлотскую крепость, откуда их выпустили только в сентябре 1788 г. 20 апреля 1784 г. Сенат признал С. Зорича невиновным и освободил его.

О Могилеве писал и католический митрополит С. Богуш-Сестренцевич, который вспоминал в своем письме от 27 января 1797 г. папскому нунцию в Варшаву об образовании Белорусской католической епархии в 1783 г. и что «незначительный город Могилев был назначен местом жительства, тесная и угрожающая окончательным разрушением приходская церковь – главным храмом, старшие приходские священники были переименованы в каноников; благочестие должно было заменить величественные церемонии; музыка и семинария поддерживались на средства конгрегации, остальное было предоставлено заботливости клира» [4, с. 1]. В 1798 г. он переписывался с Полоцким униатским архиепископом Ираклием Лисовским относительно открытия аббатства в Витебске и назначении игумена Витебского базилианского монастыря А. Сурожа аббатом [5, с. 238–239].

Княгиня Е. Дашкова, которая получила от Екатерины II имение Круглое великого литовского гетмана Михала Казимира Огинского, писала, что: «этот Огинский был долго врагом России, иногда открытым и, наконец, многим обязанный Екатерине, отказался дать присягу на владение своих земель в Белоруссии, покоренной императрицей. На следующий год, посетив свое поместье, я уверилась окончательно, что Екатерина не имела никакого понятия о состоянии его; к крайнему моему удивлению, я нашла крестьян ленивыми, грязными и преданными отчаянному пьянству, так что они едва походили на людей» [7, с. 115].

Ю. Крашевский, П. Шпилевский, В. Сырокомля, Л. Потоцкий в своих «путешествиях» оставили очень интересные наблюдения о жизни, населении, истории ряда городов и местечек. Среди них Брест-Литовский, Несвиж, Минск, Борисов, Игумен, Мир, Пинск, Свержень, Ружаны, Деречин, Зельва, Свислочь и др. [8, 11, 12, 15].

Ни один автор воспоминаний не обходит политическую ситуацию в крае. Так, в воспоминаниях приора виленских доминиканцев Ф. Цецерского, одного из участников тайной организации «Виленской ассоциации» (1796 – 1797 гг.), рассказывается о допросах членов этой организации виленским губернатором И. Фризелем, высылке и их жизни в Сибири, возвращение и пребывании приором доминиканского ордена в Забельском монастыре [18].

В сборник мемуаров участников других тайных организаций – филоматов и филаретов вошли воспоминания и дневники И. Домейко, Т. Красинского, О. Слизня, М. Чарноцкого, Т. Зана, Э. Массальского, Ф. Малевского [22]. Воспоминания М. Чарноцкого посвящены деятельности этих тайных обществ. Он писал, что последние дни своего пребывания, после следствия в Вильно, филареты были заперты в базилианском монастыре, а затем вывезены в Россию. Из университета были удалены профессора: ксендз М. Бобровский, И. Лелевель, Голуховский, Данилович [22, с. 151–171].

Этот сборник интересен и тем историкам, которые занимаются войной 1812 г., историей католической церкви. Так, Э. Массальский вспоминал о положении минской шляхты во время войны 1812 г. [22, с. 207–259] и о судьбе Полоцкой иезуитской академии в 1820 г. Он писал, что Александр I разрешил иезуитам взять с собой в дорогу по тридцать дукатов, которые были выплачены ректору академии генералом ордена иезуитов Т. Бжозовским. Однако представители властей забрали эти деньги, а каждому из членов ордена дали подписать бумагу, что они их получили. Но, так как архив кассы ордена не попал в руки властей, то иезуиты смогли забрать с собой банкирские векселя и банковские билеты. Так же они забрали с собой предметы из кабинета польских древностей и библиотеку, о которых власти, видимо, не знали. В этом кабинете были собраны ценности различных монархов и известных людей прошлого: булавы, украшенные драгоценными камнями, ценные часы, перстни, табакерки и т.д. Библиотека насчитывала двенадцать тысяч томов, которыми иезуиты наполнили свои сундуки. А им, ученикам академии, иезуиты выдали свидетельства об окончании полного курса с ученой степенью. Так, автору этих воспоминаний дали свидетельство на степень магистра права и подарили на память много книг, из тех, которые уже не могли забрать с собой. Когда иезуиты стали выезжать из Полоцка, то в городе стоял плач и крик жителей города – разных сословий и вероисповеданий. На прощанье один из иезуитов обратился к горожанам с речью, в которой призывал держаться католической веры, «которая одна может избавить Польшу» [22, с. 256–258].

Об учебе и вольнодумстве ее преподавателей в Главной семинарии Виленского университета писал Литовский православный митрополит, бывший униатский епископ, Иосиф Семашко, который закончил её. Он отметил, что при обучении они пользовались учебниками, которые были подготовлены в Австрии, и в них говорилось о «злоупотреблениях папской власти». Кроме того, определенной долей вольнодумства обладали и профессора. «Думаю, – писал И. Семашко, – ни в одной православной академии воспитанники не услышат о злоупотреблении римской церкви того, что я слышал от сих двух (Клонгевича и Капелли – Е.Ф.) наставников» [6, с. 16].

Многочисленные воспоминания, особенно военных, были посвящены войне 1812 г. Перед началом войны польский генерал М. Сокольников в своих проектах императору Наполеону рассматривал ситуации в Литве, планировал прохождение французских войск через ряд городов белорусско-литовских губерний [10]. Интерес представляет, например, и дневник Д. Давыдова, в котором упоминаются Копысь, Белыничи, Вильно, Гродно [3, с. 94–95, 99, 124, 128–135].

С. Моравский вспоминал о приятеле своего отца прелате Виленской католической кафедры ксендзе М. Длуском, который в 1812 г. поддержал Наполеона, за что, на короткое время, был выслан в Сибирь [16, с. 11–13]. Он же писал о том, как в Вильно были арестованы представители тайного общества «Национальное масонство», члены который М. Ромер, маршалок И. Завиша, Струмиль, Вагнер, Чарковский, семидесятилетний литовский обозный К. Прозор были арестованы и заточены в Петропавловскую крепость в Петербурге. Однако были прощены и выпущены из нее в 1828 или 1829 г. [16, с. 57–58].

Описывая жизнь светского общества накануне восстания 1830–1831 г. князь Л. Сапега рассказывал о своем визите в Петербурге в 1827 г. И этот визит свидетельствовал о весьма доброжелательном приеме в столице Российской империи магнaterии бывшей Речи Посполитой. Автор отмечал, что в городе было несколько польских домов. Среди них: дом генерала графа С. Грабовского, известного участника восстания 1794 г., а в то время министра-секретаря Царства Польского; С. Потоцкого, сына одного из руководителей Тарговицкой конфедерации 1792 г. С. Счастливого-Потоцкого. Л. Сапега, среди других представителей знати, был приглашен на бал к императору Николаю I по случаю его именин [21, с. 75, 76, 77]. С. Моравский, который также бывал в Петербурге, писал о своих встречах с А. Пушкиным, А. Мицкевичем, М. Шимановской, Ю. Алешкевичем и др. Из этих воспоминаний видно, что у А. Мицкевича была не очень тяжелая жизнь, после его ареста за участие в деятельности общества филоматов и филаретов.

А. Мишкевич посещал Москву, затем Петербург, в обеих столицах он был очень тепло принят в высшем свете, бывал на литературных обедах с известными писателями и поэтами, музыкальных вечерах у М. Шимановской и т.д. [17, с. 5–20].

Событиям восстания 1830–1831 гг. также посвящен сборник воспоминаний [19], в котором рассказывается, как о военных действиях на территории Беларуси и Литвы, так и о создании повстанческих комитетов, принесении им присяги, участии католического духовенства в восстании, отношении населения городов и местечек к восстанию и т.д.

Г. Пузына писала, что после подавления восстания 1830–1831 гг., казалось, что страшный ураган прошел по краю и вырвал дома и семьи. Никто не ожидал такого печального конца, помня про амнистию Александра I после войны 1812 г. Но в отличие от него, Николай I, будучи человеком железной воли, поступил иначе. И некоторые из участников этого восстания шли в Сибирь, некоторые выехали за границу. А в крае очень не хватало известных имен: Е. Сапег, двух Плятеров, Т. Пусловского, А. Горещкого, А. Воловича и др. [20, с. 155 – 156].

Мемуарной литературы, дневников, писем, проектов по истории Беларуси конца XVIII – первой половины XIX в. сохранилось немного, написаны они, в основном, на польском, французском и русском языках и существуют в наших библиотеках практически в единичных экземплярах, что делает их малодоступными. Хотя некоторые из них не менее интересны и увлекательны, чем многие из исторических романов. Как важный исторический источник они продолжают оставаться актуальными и в начале XXI в., о чем свидетельствуют издание и переиздание ряда воспоминаний, дневников не только на польском и русском языках, но и о переводе их на белорусский язык [1, 8, 10, 11, 14]. Они всегда были очень ценным источником для исследователей и не только историков, но и литераторов, искусствоведов. Благодаря им мы можем посмотреть на жизнь другого времени глазами их современников. Естественно, что люди пишут воспоминания для того, чтобы оставить память своим потомкам о себе, времени, в котором они жили, может быть оправдаться перед ними за какие-то свои действия, высказать в отношении их свою точку зрения. Понятно, что это субъективный взгляд, однако отношения к людям, поступкам, некоторым событиям, соответствующего настроения не найдешь в сухих архивных документах.

1. Война женскими глазами. Русская и польская аристократия о польском восстании 1830–1831 годов. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – 350 с.
2. Дневная записка путешествия Ея Императорского Величества через Псков и Полоцк в Могилев, а оттуда через Смоленск и Новгород // Сборник русского исторического общества. – Т. 1. – СПб., 1867. – 558 с.
3. Давыдов, Д. Дневник партизанских действий 1812 года / Д. Давыдов // Сочинения. – Ч. 1. – М.: тип. Бахметева, 1860. – 188 с.
4. Дневник Сестренцевича, первого митрополита всех римско-католических церквей в России. – Ч. 2. – СПб.: тип. Главного управления уделов, 1914. – 185 с.
5. Дневник Сестренцевича, первого митрополита всех римско-католических церквей в России. – Ч. 2. – СПб.: тип. Главного управления уделов, 1914. – 281 с.
6. Записки Иосифа митрополита Литовского, изданные Императорской Академией наук по завещанию автора. – Т. 1. – СПб.: тип. имп. АН, 1883. – 745 с.
7. Записки княгини Е. Дашковой. – СПб.: изд. А.С. Суворина, 1907. – 366 с.
8. Патоцкі, Л. Успаміны пра Тышкевічова Свіслач, Дзярэчын і Ружану / Л. Патоцкі. – Мінск: Полымя, 1997. – 269 с.
9. Письма императрицы Екатерины II Великому Князю Павлу Петровичу и Великой Княгине Марии Федоровне во время путешествия 1780 г. // Сборник русского исторического общества. – Т. 9. – СПб., 1872. – 536 с.
10. Сокольниковский, М. «Исполнено по высочайшему повелению...» / М. Сокольниковский. – Минск: БГУ, 2003. – 151 с.
11. Сыракомля, У. Вандруўкі па маіх былых ваколіцах / У. Сыракомля // Добрыя весткі. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1993. – С. 173–321.
12. Шпилевский, П. М. Путешествие по Полесью и Белорусскому краю / П. М. Шпилевский. – Минск: Полымя, 1992. – 251 с.
13. Энгельгард, Л. Н. Записки Льва Николаевича Энгельгардта. 1766–1836 / Л. Н. Энгельгард. – М.: изд-во «Русского архива», 1868. – 240 с.
14. Янушкевіч, Я. Дзярыюш з XIX стагоддзя / Я. Янушкевіч. – Мінск: выд. В. Хурсік, 2003. – 350 с.
15. Kraszewski, J. Wspomnienia Wołynia, Polesia i Litwy / J. Kraszewski. – Warszawa: LS Wyd.-wo, 1985. – 324 s.
16. Morawski, S. Kilka lat młodości w Wilnie (1818 – 1825) / S. Morawski. – Warszawa: IWBP, 1924. – 541 s.
17. Morawski, S. W Peterburku. 1827 – 1838 / S. Morawski. – Poznań: WP, 1927. – 370 s.
18. Pamiętnik xieǳa Ciecierskiego przeora dominikanów Wilenskich. – Lwów: nakł. A. Vogel, 1865. – 346 s.
19. Powstanie 1831 r. na Litwie. – Wilno, nakł. J. Zawadzkiego, 1931. – 176 s.
20. Puzynina, G. W Wilnie i w dworach Litewskich. 1815 – 1843 / G. Puzynina. – Warszawa: nakł. J. Zawadzkiego, 1928. – 389 s.
21. Sapieha, L. Wspomnienia (Z lat od 1803 do 1863) / L. Sapieha. – Lwów, Warszawa, Poznań, 1913. – 254 s.
22. Z filareckiego świata. Zbiór wspomnień z lat 1816 – 1824. – Warszawa, Wyd. «Biblioteka Polska», 1924. – 372 s.